

рассказ

драма

Макс Казаков

Санчин ручей

Макс Казаков

Санчин ручей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64377627

SelfPub; 2022

Аннотация

А иногда целую жизнь можно понимать, была та одна единственная юношеская ягода морошки сладкой или нет.

Макс Казаков

Санчин ручей

Чего не сделаешь, о том не пожалеешь.

Но иногда, не сделав нужный шаг,

Еще сильнее маешься и тлеешь.

Часть 1

– Морошку будешь?

– Да не узрела она, поди, еще-то. Где шь ты ее возьмешь-то, если предлагаешь? Ан скажу, буду?

– Может еще, где и не узрела. А ты все равно, не бойсь, скажи. Глядь-ка. – Егор достал из-за спины руку. В ладони было несколько ягод. – Ярче только твои щеки.

Он поцеловал ее в щеку.

– А не больно ли ты горазд, целоваться-то за морошку?! –

Отпрянула немного Тая.

– А чьи-то щеки стали еще ярче, – подтрунивал Егор. – Теперь уж такую спелую морошку-то не сыщешь, как твои щеки.

– Ну, дай, попробую, – Тая пыталась увести разговор от красных щек.

– Вот, возьми, крупнее не найдешь, – протянул ей руку Егор.

Она наклонилась поближе, чтоб разглядеть, взяла ягоду

и, пробуя ее:

– М-м-м, это самая вкусная морошка, что я ела.

Потом взяла вторую, неожиданно поцеловала Егора в щеку и, смеясь, побежала в лес.

Часть 2

«Че-то Толька долго сегодня, – подумала Тая. – Я уж воды нанесла, овощей собрала на стол... – начала она вспоминать, как во дворе все загремело, захлопало. – Вот она, принеслась буря-то моя. – Увидела его в окошко. – Уже и сам управляется со всем. Когда и рос-то?» Она обрадовалась и успокоилась.

– Толька, ну, так че, есть-то будем сегодня?

– Мамко, ну, будем! Как же. Я разве пустой-то возвращался когда?

– И то правда. Не возвращался. Дак и возвращался скорей обычно. Далеко, поди, ходил-то? Нарыбачился?

– Вот, мамко, смотри сколько.

– Нешто место новое нашел?

– Эт мы опять с Петькой. На старом месте. Петька такую щуку поймал, вот смотри, он мне отдал. А еще Петька...

– С каким Петькой? – перебила мать.

– Ну, с Петькой, че забыла что ли? Это он мне рыбы отдал. То так и много. Так Петька-то с ...

«И главное «опять», – подумала мать, отвлекаясь от рассказа сына, – раньше-то и не рассказывал ни про какого Петьку. Да, верно, рассказывал. То я забыла.

Петька, Петька... Уточных что ли пацан? Ну, и хорошо. На пару-то оно лучше, – обрадовалась мать, что у сына все больше друзей становится».

– Ну, давай чистить, да я пожарю. Овощи уже на столе, тебя только и жду. Шаньку спекла тебе, чаю насобирала.

И матери стало радостно, что хоть иногда удастся побаловать сына: «Уж не пирожными с района. Куда там! Хоть бы на шанежку иногда получалось. Живем не богато. Да хорошо, рыбалка ему удается, и бегаёт на реку с радостью. Все полегше. И в доме еды больше».

– А че, Петьке-то рыба не нужна, поди, тебе-то, говоришь, отдал?

– Ну, дак, говорит, хватит-то ему. Он с обеда удит уже.

– Вон как! Ну, да давай уже к столу...

И, как обычно, они сели вдвоем ужинать.

Так иногда Толька ходил на рыбалку с Петькой. Как с ним – всегда приходил позже. И как начнет рассказывать.

Они с Петькой и с дерева ловили: больно интересно, сверху видать, как рыба подплывает и клю, клю,... а потом дерг... Как ходили аж на ручей. Больно холодна там водица. Петька говорит: «Оттого и в реке вода холодная, что в ручье бьет ключ из-под земли, и ручей в реку-то и заходит».

– Дак, зашли б-то вместе другой раз, – сказала как-то мать, слушая рассказ сына.

А в другой раз и зашли.

Как обычно шум, гам во дворе: ведро с грохотом у порога: «Мамка, это тебе», – удочку на стену, сак мигом в сарай, ... собака брешет.

Да брешет иначе, не уймется никак. Тая глянула в окно – никого нет. Видать, уже вошел.

Вышла в светлую – Толька уже докладывает:

– Мамка, это Петька! Рыбалить с ним здорово, помнишь, рассказывал. А раньше-то он не хотел все зайти к нам. Седня вот...

Тая даже подрастерялась от неожиданности. Петька-то оказывается не Уточных мальчишка, а дядька целый. Ну, дядька не дядька, а уж не пацан. Точно. Лет может уже под тридцать будет.

– Вот тебе Петька, – изумленно улыбаясь, выдавила Тая. – Ну, дак проходите все оба, че у порога-то толкаться. А я-то думала, Петька-то Уточных малец. Не угадала самую малость. Ну, я, стало быть, Тая. Прошу, – она пригласила гостя в дом.

– Ну, точно. Тайка! Смотри-ка! – засмеялся Петька.

– Так смотри-ка, коль хошь! – улыбнулась Тая.

– А я и смотрю, смотрю. Только имя не вспомню. Точно! Ты! Тайка-убегайка!

– Я те щас дам убегайку! – Смеясь, она махнула на него

тряпкой. – Бугаи-то были будь здоров.

– Вот тебе и встреча! Это шь со школы-то не виделись.

– Да, поди, так и будет. И ничего, что в одном селе-то живем.

– Мамка, кидай рыбу на масло, уж почистил, на сковородку-то наберется, – крикнул Толька, доставая из ведра очередную рыбеху.

– И то да, – задумчиво выдавил Петр. – А и село-то не три избы, – продолжил он. – Живем на разных краях.

– Так присядь к столу пока, обожди штоль минуту. Рыба-то скоро будет. Толька чистит мигом, а я жарю так же, – ответила Тая.

– А ты, когда мы школу кончали, классе, наверное, в четвертом была? Или не так?

– Да так-то.

...

– Ну, вот и рыба на столе. Кто руки не умыл – я не виновата! – сказала Тая и засмеялась. – Умывальник у нас здесь, и полотенчик причеплен.

Эх, Толька, Толька, – сказала она, когда уже уселись. – А он мне все «с Петькой, рыбачили, с Петькой», – она потрепала сына за волосы. – А тут оказывается целый Петр... как вас по батюшке-то? – спросила она у Петра.

– Не смещи рыбу-то. Она все равно жареная! По батюшке!

– А ты чего это его Петькой-то кличешь. Ну, уж дядь Петя-то, поди? – обратилась Тая к сыну.

– Дак я-то че, как он сказал, его так звать? – отозвался тот.

– Тайка, оставь пацана, вишь уплетает как? – вступился

Петр. – Я и впрямь ему так назвался. А че тут такого-то?

– Да я так, – улыбнулась Тая. – Для порядку только.

А мы Толя, стало быть, с Петькой-то твоим, в школе учились, знаем друг друга. Только он был в старшем классе, а я только в младшем. Один год всего и попали вместе-то.

– А я смотрю, ты не боишься-то, одного его на рыбалку пускать?

– Уж так и не боюсь! Только угляжу я за ним одна то. Я пока на ферме, баб Поля соседка за ним одним глазком, а сама его не вижу. Да и пока малой совсем был, мы вместе ходили на озеро сюда, потом летом с того года сам стал бегать, удочку только хватать... А как сам стал, так уже и озера ему мало, на реку мотается. Он у меня рыбак бывалый! Самодеятельный не по годам. Что правда, то правда.

Иногда они с Толькой после рыбалки стали приходить вместе. Теперь уж не только Толька про Петьку рассказывал до ночи, но и Петька про Тольку. Тая слушала их рассказы и всегда смеялась. Где правда, где выдумка, понять было трудно, но смеялись от души.

А тут вдруг раз, другой в магазине встретила Петра. Дак

и не ожидала-то.

– Тайка, привет!

– Ой, привет, Петька. С ног сбиваешь, – улыбнулась Тая. – Ты это в нашем-то магазине чево?

– Дак у нас нету..., – начал было что-то плести Петька.

– Чево у вас нету? Так срочно нужно? Митревне шь и заказать можно, привезет через неделю.

– Да Митревна-то да. И на заказ, и еще домой завезет, кому по пути будет. Ну, ты это,... – что и сказать-то? О чем спросить, говорить? И как-то вырвалось: – Тольку-то на рыбалку отпустишь? Завтра?

– А когда я его не пускала?

– Вот и ладно!

– Ну, ладно. Я-то побегу. Мне еще обратно на ферму успеть надо, да ужин...

– Хорошо. Рад был встрече...

Оба засмеялись.

На другой день Катерина Михайловна, что продавцом в магазине, увидев Таю, выбежала на порог и, не скрывая улыбки:

– Тайка, иди-ка милая сюда.

Мимо Катерины Михайловны пройти еще никому не удалось. Либо расспросит, либо расскажет. И, конечно, что-нибудь продаст. «Нужное!»

– Эт что это у нас за новый покупатель образовался давеча?

– Вы о чем, баб Катъ?

– Ой! Ну, «Вы это о чем, баб Катъ?» Эт я тебя спрашиваю-то, – подбоченясь, и, как всегда, задорно начала свою пытку баб Катя. Так что не всегда и заметишь, как с тебя уже все вытянула, – а не ты меня. Ему на том краю села-то магазина, небось, мало. Митревна хлеба там ему теперь видно не продает, что он какой раз у меня хлеб берётъ. Ну не красней, не красней. Это ж Петька Осипа-то, как я помню?

– Дак Петька. Вы всех, баб Катъ, помните.

– Ну, то не секрет. У нас в селе со мной и ЗАГС не нужен. Ну, чево ты? Видно, что к тебе парень ходит.

– Да ну Вы, баб Катъ, скажете еще! Это он с Толькой на рыбалку ходит. Еще с того лета. Вот на этой стороне села-то и...

– Ой, – перебила ее Катерина Михайловна. – Ты меня никак первый раз знаешь. Ну, ладно, ладно. Никому не скажу. Я шь не такая, как у моего отца дети, всем болтать-то. Ну, зайди, хлебца-то возьми.

– Дак зарплату не дали сегодня. Завтра обещали. Да и дома-то еще краюшка есть.

– Знаю я, как там у тебя дома. Ниче, ниче. Я тебе по тетрадке. Отдашь, успеешь. А то придет кавалер, а дома и крошки нету!

Раз на рыбалке Петр промеж делом спросил как-то у Тольки:

– А Толька, отец-то где у вас?

– Дак ушел вроде, – ответил малой через паузу и сделался видом, что дальше говорить на эту тему было бессмысленно.

Петр и не стал пытаться. Видно, что мальчишка не любил таких бесед, задумался о чем-то. А как и разговор-то теперь продолжить, тоже не понятно. Хорошо хоть у Тольки клюнуло:

– Дак подсекай, подсекай. Никак уснул? – крикнул Петр. Толька рванул удочку.

– Ой, хороша-то! Мамка зарадуется!

– Молодец! Ура! – закричал Петр. – Теперь уже и домой можно! Не только на ужин, и на завтрак хватит! Бежим уже, хватит на сегодня!

Они смотали удочки и на перегонки домой.

– Мамка, смотри. Смотри, мамка, какую я поймал! Смотри, чево мы с Петькой сегодня наудили!

И даже удочки по местам раскладывать не стал. Бегом-топотом в хату, показывать.

Сготовили рыбу, поужинали. Тая предложила чай.

– Чай-то я не беру в магазине. Мы такой садовый обычно. Немного мятки такой да другой, малины, когда лето, дак с

ягодой, да еще какой травы найду. Душистый.

– Я люблю такой, – добавил Толька.

– Душистый! И то правда, – отхлебнув, похвалил Петр.

– Ой. Я шь удочки-то не сложил на место, – опомнился

Толька и, сделав еще глоток, вылетел во двор.

– Ну, скоростной он у тебя, – сказал Петр. – Один во дворе вон, а шуму!

Во дворе и вправду шуму было, на троих хватило бы. По пути в сарай Толька, как положено, задел сачком подпорку у яблони, посыпались яблоки: по крыше, по забору. Яблоком опрокинуло тазик, он с грохотом полетел на землю, распугал кролей, те затопали в клетках, но быстро утихли. Толька мигом запустил яблоком в кошку, та, вякая, пустилась в подворотню мимо собаки, которая, конечно же, залаяла...

– Привязался он к тебе, Петька. Довольный всегда с рыбалки приходит, как тебя встретит. Ты, поди, с ним-то устанешь. Он же вон электрический какой.

– С ним разве устанешь? С ним же обхохочешься!

После того вечера Петька-то куда-то пропал. Толька возвращался с рыбалки, а мать:

– Че один опять? Петьку не звал?

– Да не было его, – смурно отвечал тот. – На подстанции, верно, опять форматор чинят.

Сам-то грустный. И вернулся раньше. С Петькой-то они

завсегда дольше на реке были.

– Ну, погоди чуток. Починят, поди, уж скоро. Порыбали-те.

А у Петьки и вправду на работе было активное время: лето, к осени нужно все проверить, подготовить... Допоздна на подстанции. Осень-то не за горами. А как рано нагрет?

Но и не только об этом он думал. Места не находил себе. Работа и та помогала успокоиться, отвлекала все внимание.

Вечером как-то вышел со двора, поправить палисадник. У соседей шумно.

– Дяд Сень, вы чево это сегодня расшумелись-то так? На всю улицу? Вечер добрый!

– Да дочка с города сегодня приехала, с семьей, внучкой. Родня вся сбежалась, вот и жужжим ульем-то! – довольный рассказывал дядька Сенька. Уж они меня сегодня-то умили. Как встретил их с автобуса, еще по обеду-то, так без умолку. И Таська внучка ни в одном глазу поспать. Всего-то два годка.

Дядька Сенька тоже вышел со двора.

– Ну, здоров, Петька, как не шутишь, – они пожали друг другу руки. – А я к тебе стучался, как мы за стол собирались, хотел тебя позвать. Ты где-то все кружишься. Не иначе на

работе?

– Не иначе, дядь Сень. Ты ж знаешь, лето, к осени все, к осени готовимся. А так-то оно к зиме, а не к осени.

– Ну, ну! Давайте там! Чтоб зимой-то нам без света не сидеть, – забавно смеясь, сказал дядька Сенька. – Ну, пойдем теперь-то уже в дом. С Нинкой поговорите, повспоминаете, с внучкой познакомлю, – не скрывая гордости, проговорил дед, хлопая по плечу Петра подталкивая его в калитку.

Палисадник, стало быть, остался на завтра.

На другой день Петька вернулся с работы уставшим, но, поужинав, палисадник все ж таки поправил. Тогда присел у калитки отдохнуть, посмотреть на соседей. Там, как и вчера, целая свадьба. Да еще и собаку вернули на цепь, а то вчера-то ее дядь Сеня в сарай спрятал, боялся все внучку напугать: «Больно грозная у нас псина-то, больно грозная. Тасеньку напугаем. Зачем же. Попозже чуток вернем».

А вот и Тасенька выбежала на крыльцо. Ну и чего было ожидать от ребенка? Конечно, она бросилась к собаке. И собака ей навстречу, гремя цепью. Где там ребенку-то этого испугаться?

«Вот интересно, – думал Петр. – Вот откуда она малютка двух лет знает, что собака ее не тронет. Ведь не боясь, руками, по морде ей сразу мац. Ни капли сомнения, ни капли страха. И собака, как будто-то это понимает, ведь и не тро-

нет никогда ребенка. Вот уже и руки облизала, и лицо. А та смехом смеется. Эх, мамка-то сейчас увидит!...

А взрослые уже всего тревожатся, всё в сомнениях, во всяких «если»... Как у детей все просто! Видела ли она когда собаку? Так близко? Такую большую? А все равно. Захотела пойти к собаке – и пошла...»

– Мамко, я пойду на реку. Рыбы принесу, – как бы спрашиваясь разрешения, и в то же время просто ставя мать в известность, звонко отрапортовал Толька.

– Беги, конечно. Иди сюда, поцелую, – ответила мать, радостно улыбаясь. – Возьми хлеба, овощей. Перекусишь там.

– Не надь, мамка. Че только таскать. Дома уж.

– Ну, беги. Да осторожно там, – крикнула, было, она ему вслед.

Да только он уж ничего и не услышал.

«Уж деньков пять не рыбалил-то, – подумала мать. – Долго. Чаше обычно бегал-то. Ну, сегодня выходной, вроде. Может, Петька седня будет. Толька зарадуется».

А так и вышло.

– Задерживается седня Толька-то на рыбалке. Не иначе Петька выбрался, – рассуждала вполголоса Тая, заканчивая обычную домашнюю суету.

Только и успела проговорить, как калитка грохнулась о забор.

«Как она еще висит-то? – подумала Тая. – Точно! С Петькой. И Толька живой седня, вон, глаза горят».

Вышла во двор:

– Ну, здрассте, господасьте! – весело сказала Тая. – Чего-то давно вы к нам уже, Петр, как вас по бабушке, вы так и не сказали!

– Осипович я, – немного смущенно ответил Петр.

– О как важно! Ну, просим, просим! Толька уж заскучал!

– Здравствуй, Тая.

Петр и вправду выглядел смущенным, что Тая, конечно же, подметила. Ничего не поняла. Но не стала ничего говорить, чтобы не засмущать гостя еще сильнее.

Толька тем временем разложил все по своим местам и примчался с рассказами:

– Мамка, седня рыба больно хорошо шла. А ты представляешь, Петька две рыбы упустил. Я ему кричу: «Тяни, тяни. Ты че?» А он дернет – уже поздно! И другой раз! А клева-ла-то как! Не иначе оговская была!

Толька не скрывал гордости, что сегодня он наловил больше Петьки. Скорее кинулся чистить.

– Мамка, пожарь, давай. Уж голодный я чего-то.

– Конечно, давай, и почистим вместе.

– Да тут я управлюсь, мамка. Ты там, у плиты.

– Какой ты у меня помощник! – восхищенно сказала Тая,

как обычно потрепав сына по волосам.

– Не то слово! Молодец! – констатировал Петр. – И нало-
вит, и почистит...

– И в огороде уже помогает вовсю, – добавила мать.

Сели за стол. Разговор, как-то не очень-то и шел. Если б не
Только со своими рассказами. Только он и смешил всех. Да
не дождавшись чая, как-то раз, уже и задремал, уткнувшись
головой в бок Петру.

– Уморился, малой! – сказал Петр.

– Ну, пойду, отнесу его в комнату.

Вернулась. Заговорили не сразу. Пили чай.

– Вы там, никак, все берега, деревья сегодня облазили? –
нарушила тишину Тая. – Совсем без ног уснул.

– Он сегодня никак не сидел. И у себя рыбу дергает, и у
меня все видит, – улыбнулся Петр.

– Давно тебя не было. Только загрустил уже. На реку реже
стал бегать. На подстанции, поди, че ладили?

– Да и я заскучал по нем. – Петька не стал отвечать на
ее вопрос. – Тай... Ты это... Знаешь че?... Малой-то уснул.
Пойдем тоже на реку. Закат скоро. Посмотрим.

– Да нешто я заката-то не видела? – не успев сразу понять,
что сказал ей Петр, ответила Тая.

А как сказала, так и сообразила. И вспыхнуло в голове:
«Ой, эт как понимать прикажете?...»

– Покажу тебе Тольконо дерево. Он с него любит смот-
реть, как рыба клюет, – через паузу продолжил Петр.

...

Они вышли за калитку. Пока Тая закрывала, Петр достал под скамейкой припрятанный букет. Тая обернулась, а он с цветами уже.

– Вот. Это я по дороге сюда набрал. Только не стал... не знал, как при Тольке то...

– Красивые, – сказала Тая, принимая букет.

Осенью Тольку отдали в школу.

– Восьмой год уже, – не могла успокоиться Тая.

Может и рано. Да Толька смысленый. Татьяна Петровна, учительница, сказала, что он потянет уже. Лишний год ждать ни к чему. Так и решили.

Утром в школу его отводит Петр, ему как раз по дороге на работу. И матери спокойней.

Тая все переживала с баб Полей: «Как в школу-то пойдет, водить надо по первой. Не сам же будет. Самого-то отпускать не спокойно. Далеко. Хоть и все малолетство по себе весь окрест обшарил с соседскими». А тут все само собой образовалось. Баб Поля рада была и за Тольку, и за Таю.

В зиму ходили на реку рыбалить регулярно. В тот год Петька только пару раз с Толькой ходил. А сам Толька не отваживался. Теперь каждый выходной. На неделе после работы не успеть.

А к новому году ходили в лес за елкой. Так в снегу пришли

с ног до головы. Тулупы на печке несколько дней сохли. Елку нашли зато знатную.

Игрушки делал Толька год от года красивее, замудренее. Да Петька сходил к себе, забрал, принес несколько заводских стеклянных. Не могли наглядеться. Украсили и елку, и хату.

Жить стало легче.

К новогоднему столу, в нарушение традиции, в этом году шаньгу Тая не пекла. Купили пирожных в магазине. Толька был доволен. И даже как все дети получил на новый год в подарок конфеты. Да не от кого-нибудь. От деда Мороза!

Мать сама такого не ожидала. Это все Петя. Он понравился баб Поле. Они успели сдружиться. Вот он и договорился с дедом Васей, мужем баб Поли, на новый год сюрприз Тольке сделать.

Чуть только за полночь – в дверь стучат. Толька бегом – там никого. А с другой стороны избы уже в окно стучат. Толька туда. Пока бегал, Петька из печи сажи на пол насыпал, а дед Вася в дом вошел. Толька забегает сказать, что и за окном никого, а тут у печи дед Мороз стоит! На полу сажа. Опешил в удивлении!

– Мамк, эт че?

А мамка и сама в удивлении. Смотрит на Петьку. А тот плечами жмет, улыбается.

– Это дед Мороз, сына! Не видишь! В этом году и к нам вот! Радость-то какая! Дедушка, Вы присядь те. А-то как притомились-то с дороги.

– Спасибо, матушка. И впрямь притомился, – отвечал дед Вася.

А там и Рождество справили. Все вместе ходили колядовать. И 8 Марта. Мамке готовили с Петькой сюрприз: на утро всю хату подснежниками и вербой заставили: в каждой комнате, на каждом столе, на каждом окне. И спели песню про маму. Мамка-то плакала от радости.

Только раньше и не видел ее такой..., такой... Он никак не мог понять, почему она плачет. Он знал, что плачут от боли, когда упадешь и ушибешься. Или если упадешь, но не больно, то все равно обидно, и тоже хочется плакать. Плачут, когда долго нет мамы. Но это Только знал не по себе. Он видел, как одноклассник Димка плакал, когда его мама возвращалась от своей мамы. Она уезжала на несколько дней, но почему-то одна, без него и папы, и сестры. А сейчас вот мама плакала, но не была грустной.

– Мамка, ну ты че? – не выдержал Толька.

– Это я от счастья, – ответила Тая.

Только подошел к ней и уткнулся ей в подол. Тая присела на стул, стоявший рядом, и обняла сына. Петька был рад, что ему удалось внести в их непростую повседневность немного счастья. Он подошел и погладил Тольку по голове. А Тая, поймав его руку, прижалась к ней лицом.

Часть 3

– Катерина Михайловна, Вы хоть что мне скажите.

– А что тебе сказать, касаточка?

– Да что народ-то у нас изменился? И здороваются-то со мной только издалека. Учтиво. А не разговаривает никто. Редко кто.

– Да ты на народ-то серчай. Люди-то у нас хорошие. Только не знают они, как тебе в глаза-то смотреть. И тебе тяжело, и им не просто. А что сказать, как остановиться с тобой? Ты и без их слов не ровен час...

Погоди. Все пройдет. И тебе станет легче, и люди свыкнутся.

– Может и так-то, баб Кать.

– Да так, так. Тебе если поговорить надь, ты ко мне заходи. Других кого искать надо, а я тут всегда до восьми, знаешь. Вижу, как ты месяц этот ходишь, маешься. Тяжело, тяжело, конечно. Понимаю. Ну, садись сюда. Мне все равно скоро закрывать. Закрою чуть раньше. Толька-то где?

– У баб Поли. Дома не хочет. На реку не ходит. Дед Вася звал, дак он отказался.

– Ну, и у него пройдет. Школа только жаль заканчивается. То бы занимался. Было бы легче, забылось бы все помаленьку. Да и так-то забудется. Жарко нынче. Ты-то как сама?

– Да потихоньку. Бегать уже не бегаю. Хожу ходьмя. На ферме пока справляюсь. Какое-никакое, а занятие. Голова занята. Назад и вспоминать боюсь.

– Вот и я, как вспомню тот день. – Катерина Михайловна

покачала головой.

– А я толком ничего и не помню. Только-то и помню, как в четверг под вечер у разъезда люди галдели как на базаре: «На подстанции авария, кабеля полопались, жахнуло на электронапряжной...»

– Да уж, как жахнуло-то, – подтвердила баб Катя, приобняв тепло Таю за плечо.

– Кто что говорил! – продолжала Тая вспоминать. – Прибежала Валька, кричит: «На напряжке трянуло, Петька-то упал ушибленный, за скорой послали...»

Помню, как осела на траву. Да помню уже потом как проснулась дома на кровати, на столе тарелка картошки с салом жареным да хлеба краюшка под салфеткой, да еще Толька калачиком под боком лежит. Тоже проснулся:

– Мамко, ты че? – хнычет, – Ну, ты че?

И слезами закатился. А я че? Опомнилась! Гляжу на малого. Сама хоть в рев. Да он ревет, куда еще мне-то? Зубы в кулак, улыбнулась ему:

– Да вот, разоспалась, – говорю, – немного. – Он мне тоже беззубо заулыбался, напугался, видно, не в шутку.

– Уж разоспалась-то, ничего себе. Баб Поля заходила, что ни час, говорит, мол, не буди мамку-то, пусть лучше поспит. И дядь Петя не был с четверга.

«И дядь Петя не был...» отозвалось у меня в голове, так что и к горлу подкатило. Эх, Толька ты мой, кроха, как тебе и сказать-то? Как тебя-то от всего уберечь?

– Дак глядь-ка... – опомнилась я, – а че седня уж день-то какой, на работу штоль бежать?

– Мамк, да уж суббота седня, какая ж работа-то?

Вот те, и вправду разоспалась, подумала я.

– Суббота, да как же? Да ты ж у меня голодный, поди, – было подхватила я, да встать с кровати.

– Да не, мамк, не голодный – он соскользнул с кровати и уже протягивает мне тарелку с картошкой, – Вот, поешь ты. Картошечка. Я тебе сделал, как ты любишь, со шкварками, и вот еще баб Поля хлеба принесла. – Только сказал, как шарк, шарк у порога... – А вот и баб Поля, – и уткнулся носом мне в подол.

– Ну, вот. Слава Богу! Как ты? – обрадовалась баб Поля, увидев меня. – Уж хорошо больно поспала-то. Покушай, покушай. Видишь, какой заботливый растет, так вокруг тебя и ходит, не отходит. Не иначе в медики пойдет, уедет в университет. Да, Толька? – Она потрепала Тольке волосы. – Вот, и уснул-то рядом.

А мне хотелось знать теперь только одно:

– Баб Поль, Петя-то...?

– Поди, Толька, за водой, слетай, – сказала баб Поля Тольке.

– Дак полно-то уже, баб Поль, сходил, – пронудил Толька. Явно не хотел отходить от меня ни на шаг.

– Ну, так на завтра принеси.

– Че-то? Завтра и схожу. Я тут. Никуда не хочу.

– Ну, ладно, – согласилась тогда баб Поля. – Дак, Петя-то... Ой, – выдохнула она, – прости меня, Таечка, – и взяла меня за руку, – Петя-то...

– А что Петя? – задрожал Толька.

Он посмотрел на меня, как у меня наполнились глаза, и со всех ног бросился из комнаты, затопал куда-то наверх, видно на чердак, в свой любимый угол. А баб Поля теперь уж продолжила:

– Петя-то в скорой и не удержался, обмер.

Мы обе замолчали.

– Тольку жалко, баб Польш, привязался он к нему. Отца-то не было у него. Вон как расстроенный кинулся.

– Да и то. И за тебя напугался, никак не отойдет. Тут да там, вокруг тебя. И вечер, и ночь. А вчера уж к вечеру смотрю, пошел огород копать, лопату не выпускает, а глаза то и дело рукавом, рукавом. Так до темноты до сарая докопал. Я уж последний раз как к тебе зашла, поглядела, говорю: «Отдохни малой, умаялся». А он: «Нее, мамко наказывала покопать, уж садить скоро». Я-то пошла: «Хлеба, говорю, мамке оставила, как проснется». Он-то только: «Ага, баб Польш». Дак поди всю ночь-то и копал, ниспавши, почти все копано теперь.

– Да нешто почти все, – я тогда удивилась, – мальчишка ведь. И взрослый за дань не укопает, а тут дитя, да за ночь... Да и нешто не спал?

– Дак я шь тебе чево, как копано-то? Поди, глянь. Как есть

говорю.

– Он еще вот и картошки наготовил.

– Ну, ты сама-то как? Да живот как, все ж пятый месяц пошел?

Тут и я вспомнила, что Толька бегает, батьки не видит, и второй выходит тоже будет без отца.

– Ну, ну. Полно тебе, – зашептала тогда, склонившись надо мной, баб Поля. – Пока я жива, вместе мы всех поднимем, да и люди у нас не мимо ходят. А как меня уж не станет, так твои уж и на ноги встанут.

...

Катерина Михайловна долго слушала Таю, не решаясь перебить.

– Да. Баб Поля у тебя золотая. Она тебе как родная мать, что рано ушла, Царство ей Небесное. И отцу-то твоему помогала, ну, ты уж помнишь, не маленькая была-то. И тебе. И Тольке твоему как родная бабка стала. Ну, ты это. И меня не забывай. Что нужно будет, приходи-то.

– Спасибо, баб Кать. Спасибо.

– Дак не за что пока. Приходи. Ну, полно вспоминать. Пойдем уже, проведу тебя до дома. А-то твои уж потеряли тебя, часом.

Мать сидела подле дома и смотрела, как садится за холмом Солнце, жмурилась от яркого заката и улыбалась. Улы-

балась, что старший уже заканчивает школу, а младший, Колька, под холмом вон бегаёт с друзьями у ручья.

«Сколько ни говорила, не играть на воде, холодно ещё, – думала Тая – а всё равно они там. Замочат ведь ноги, простынут. А впрочем, они никогда не слушались, и всегда играли там. И, слава Богу, пока обходилось». А вот и Толька куда-то снарядился под вечер, увидел мать:

– Мамка, ты че это? С тебя хоть картину пиши «Щастье».

– И не то слово, сынок. Не «Щастье», «В раю»!

– Ну, ты не на просто размечталась, – сказал Толька, подсев к матери и приобняв её за плечи. – Что сегодня за день такой, особенный?

– Да так. Сижу вот, вспоминаю, как боялась я за вас, что не смогу, не успею... А что со мной случится, и что будет с Вами? Ну, понятно, баб Поля вас в интернат не отдаст, так и сама-то не девчонка уже. Как не сможет? А теперь вот ты уже школу заканчиваешь, поедешь поступать. Все село гордится. Едешь в область, в университет. А баб Поля-то, то и случай, как вспоминает, угадала тебя, в медицинский едешь...

– Да как ещё вдруг не поступлю?

– Поступишь. Я знаю. Выучишься, останешься в области, будешь хорошо получать, а сюда вернешься, построишь себе хороший дом. От города-то не так и далеко. Да и за Кольку мне уже не страшно. Коли как, так ты его уж не бросишь. Может и не просто будет, а всё ж школу доходит, а там уже легче будет. Ты только в школу-то его обязательно доучи.

– Мамко, да что ты такое говоришь? Случится с ней что. Ты еще молодая. – И чуть помолчав, он добавил, – Устала ты с нами. То правда. Жизнь на нас положила. Ну, теперь легче будет. Я буду помогать.

– Даже не думай. Учись. Учись, как следует. Кому потом недоучи нужны будут, на работу как пойдешь? Мы втроем живем справно, и вдвоем, чай, пока справимся. В гости, только, почаще приезжай.

Часть 4

– Ну, как ты, Толян. Всех твоих я осмотрел. Карты принял. Можешь с чистым халатом, – смеясь, сказал Вадим, – ну, с чистой душой, ехать домой. Скучаешь? Ведь в универе каждый год ездил, а после как на работу пошел, не был еще.

– Скучаю.

– Мать ждет, небось.

– А то.

– Ты вот, скажи, Семенову противопоказания какие находили? В карте ничего не сказано.

– Нет. У него все в порядке.

– А ты че не свой такой? Чем ближе к отпуску, тем больше у меня сомнений, а отпускать ли тебя, или может тоже положить на обследование?

– Да нормально все.

– А это что у тебя?

Только держал в руках маленькую фотографию матери и брата, лет десяти назад.

– Теперь и Колька уже взрослый. А я вот чем старше становлюсь, тем, чаще думаю, глядя на эту фотографию, что здесь нет отца. И я ни разу с ним не разговаривал. И боюсь теперь же. Успею ли?

– А ты сможешь его простить?

– Да давно уже простил. Даже и не помню когда. Наверное, когда уехал из дома в область. Может, стал взрослее, может, по-другому стал смотреть на вещи. А может, мать, которую стал видеть реже, но всегда счастливую, наверное, оттого, что я приезжал, так на меня повлияла. В общем, давно. А может и раньше, когда с матерью сами справлялись с огородом весной и осенью..., и никто нам не был нужен.

– Даааа...

– Дааа... А что мать скажет, если узнает, что я с отцом говорил?

– А что она может сказать? Она, наверное, и считает его подлецом, но тебе позволит видеться.

– Да она его подлецом не считает. Ни разу не помню, чтоб она его хоть каким плохим словом помянула. Только и всего-то: «Ушел папка твой, сынулька. Ушел». А глаза грустные. Собственно я больше об отце ничего и не знаю. Виделись только издалека.

– Толян, вот вспомни нашего профессора Беллера, вот он даже будучи хирургом много раз говорил: «Не уверен – не режь. Подумай трижды! Но поверьте моему опыту. Если потом окажется, что, сделав операцию, человека можно было

спасти, но операцию так и не сделали, жалеть будете больше, чем, если бы сделали, и она не помогла. Сожалеть о несделанном тяжелее, чем о содеянном». В жизни так же.

– Ты прав, Вадим. Ты сто раз прав.

– Не я. Профессор!

– А мамку все же спрошу. Переговоры заказал на сегодня.

– Мамка, ну, здравствуй, это Толька твой. Слышно меня?

– Слышно, сынок, хорошо слышно. Как ты?

– Да я-то, не волнуйся, хорошо. Ты как, мамка? Соскучился уже я. Колька как, приехал?

– Я хорошо, хорошо, Толя. И Коля здесь, с июля уже. Ты вот когда в гости-то к нам?

– Да вот и звоню поэтому. Отпуск у меня. Завтра уже приеду. Ближе к вечеру. Тебе из города, может, нужно что? Забегу еще, успею.

– Да ничего мне из города не нужно, – устало, но умиротворенно сказала Тая, услышав такую новость. Значит, ничего худого не случилось, чего в глубине побаивалось материнское сердце, получив извещение о переговорах. – Тебя одного и жду только. Не был-то сколько.

– Ну, не получалось, мамка, ты же знаешь, как здесь. Скоро свидимся. Мамка, ты это... Я вот что хотел... это... спросить... ну. Слушай, ты там часом папку не видела? Может, пересеклись где? Деревни-то соседние. Хотя за столько лет

ни разу...

– А ты че это, папку-то? Ты лет с семи не спрашивал больше о нем.

– Сам не знаю, мамка. Как он? Может, вот думаю, свидеться с ним. Узнаю ли его? Да ты вот как к этому отнесешься?

– Толька, да я-то че? – голос у Таи немного задрожал, и Толька это понял. – Ты приезжай главное.

– Мамка, ну ты че?

– Все. Не трать деньги. Приезжай. Жду, целую.

«Странно, дороги всего-то полдня, – думал Толька по пути домой, – правда, с пересадкой в районе, но это не страшно. За столько лет, так и не свозил мамку в область. Даже и мысль такая не возникла, а мамка не просилась. Она и в район-то не ездила, наверное. Ну, или очень давно. До трассы идти далеко, она не любит. И автобус ходит неважно.

Ну, сегодня не сильно жарко. Идти будет хорошо.

А мамка как всегда у проулка будет ждать. Вместе с баб Полей. Шаньку, как всегда, спекла. Она про баб Полю ничего не говорила. Значит жива. Значит, вместе будут. Вот душа-то у человека! Родной-то бабки и не успел увидеть. Баб Поля как родная была. И по сей день плачет каждый раз, как мы с Колькой приезжаем.

А Колька тоже уже там. Хорошо. А как баб Поля нас гоняла, когда мы рыбачили по колено в воде в апреле «Уж мамке

расскажу»...

Так в воспоминаниях он не заметил, как районный автобус долетел до его остановки. Вышел. Знакомый лес. Все так же, как и когда ездил на каникулы. Несколько лет ничего не меняют. Санчин ручей. Уже не как весной, теперь маленький... Такой же холодный. Лето! Вода ледяная!

С автобуса Толька вышел бодрым шагом, а потом все медленней и медленней на поводу у воспоминаний. Все больше смотрел по сторонам.

Вот уже и первые дома нашей деревни видны, хата Лёньки Вайкового. Покосилась чуть крыша: «А, Лёнька, как был бездельником так и остался». Вот уже и первый проулок. Та же ранняя груша у двора Ляховых.

– А нападало-то! И мамке возьму чуток. Баба Валя не пожалует.

– Толька, ты штоль? – раздался голос бабы Вали.

– Я штоль, баб Валь! Как Вы?

– А шкодник, так и таскает мои груши, – задорно залепетала баба Валя. – Я-то хорошо, дорогой. Ты, это, ладно, груш-то возьми поболее, мамке-то.

– Спасибо, баб Валь. Спасибо. Я еще зайду к Вам.

– Конечно, зайдешь. Груш-то еще вон, целое дерево! Да не беги, растеряешь груши-то.

Вот и второй проулок. Еще три – и дома. А вон уже и наш проулок вдалеке, чуть в горку. Видать отсюда. Да и мамка стоит. С баб Полей. Ну, как же.

Так и шел он медленно, приближаясь к дому. Да подметил, что за проулок до своего как будто кто-то шасть, шасть туда, сюда, туда...

– Ходит, суетно. Странно. Чудной мужичишка. Кто б такой? – лениво подумалось Тольке.

А как осталась-то одна хата до него, он встал остолбенело. И Толька встал.

«Папка! – подумал Толька. – Не иначе». Еще шаг – и как в глине вязнут ноги. Снова шаг.

– Точно папка. Он никогда меня не встречал.

Груши вывалились из рук, а у отца выпала курточка. И мамка с баб Полей-то как-то живехонько похаживали у скамейки, а то никак тоже замерли.

«Так что ж я стою, – помчались мысли, – не сейчас, то когда? А зачем мне к нему идти? Он мне кто? Папка! И что? Где я его видел? Да о чем это я вообще? А каково ему стоять здесь? Ведь тоже не на легком перышке сюда прилетел-то? А что ж я стою? Вдруг решит, что я... и уйдет сейчас... Прямо сейчас!»

Еще шаг. А легче! Еще один. И отец шагнул вперед. Мамка на пригорке осела на траву. Баб Поля над ней. А мы шаг за шагом, ближе и ближе. Вот всего один шаг.

«Я Егорович по паспорту, стало быть, он Егор. Стыдно, даже сходу не вспомнить, как отца-то звать. А что стыдно-то? Не жили вместе. А как называть его? Отец, батя, папка, ... Егор? ...» Варианты полетели еще, один за другим, но

уже не слушая их вырвалось само:

– Здорово, папка!

И руки сами обхватили отца, хотя и непривычно. Отец обнял сына.

– Здорово, сын! Здорово! – медленно, с облегчением произнес отец.

И без слов они стояли, уткнувшись друг другу в плечи, тщетно пытаясь сдерживать воду в глазах, боясь произнести слово и проявить дрожь в голосе, пока Толька не увидел, что мамка спускается с пригорка к ним.

– Мамка идет, – негромко произнес Толька.

– Прости меня, сын, – так же негромко невпопад ответил отец.

– Я говорю, мамка идет.

– Прости меня, сын, – чуть громче сказал отец то, что выдавливало из его головы все другие слова и мысли.

– Полно тебе, папка. Простил я тебя давно. Да шибко-то обижен и не был никогда, – и крепче прижал отца к себе. – Последние годы все думал, как ты, кто ты? Увидеть бы тебя. Не знал, как это будет. Что мы скажем друг другу? О чем будем молчать? И что скажет мамка? А как расстроится? Меньше всего хочется ее огорчать. Я спросил ее: «Что если я с отцом...?»

– Она была вчера у меня. Совсем быстро. Только и сказала, что ты сегодня... что видеть меня хотел. Видно и видеть меня не может. А только ради тебя... приходила.

Подошла мать. Глаза тоже мокрые. Но счастливые. И видно, что не злится она на отца.

– Здравствуй, Толя, – мать обняла сына. Отец обнял их обоих.

– Таюшка, прости и ты меня, – сказал Егор.

– А я уж давно простила-то. Еще как первый раз Толька завелся младенцем в рев, да шибко. А я дура еще была звездочетная, не знала, что и делать-то. Колыбельную, люльку, дудку... А потом как сиську-то ему дала, он и утих. И так мирно стало, поняла я, что вот оно, счастье-то мое, прижала его к себе, и ничего мне больше не нужно.

– А что ж тогда за столько лет, никогда и на улице не пересеклися? – спросил Егор.

– Да мы ж-то прятались-то? – отвечала Тая. – Ты как на улице оказывался вдалеке, так и сворачивал в проулок. Мы-то шли своим путем.

В голосе Таи не было ни грамма упрека. А скорее сожаление о прошлом.

– И то так.

– А че так-то?

– Да, так-то.

– Ну, то-то, – закончила Тая. Да полно уж. Не думай теперь-то уже об этом, – чуть помолчав, она продолжила. – Спасибо вот за помощь. За столько лет ни разу и возможности не было, поблагодарить-то тебя, – с искренней благодарностью произнесла мать, облегченно выдыхая.

– Дак за какую, ты это о чем-то? – начал было заговаривать зубы Егор.

А Тая умиренно и устало продолжала:

– Ой, ну не надо мне-то. Дети-то, может, и не знают, а я-то уже поняла. Это по первой-то не понимала, как так, вчера прибежал Толька, а то и Колька с ним за одно, в рваных ботинках. Сколько и говорила им, не бегать по воде, разлезутся боты-то, другие дорого больно покупать. А они-то дети. Ну, повесим на забор сушиться, а через несколько дней замечая, что боты-то вроде и не рваные. Пригляжусь, чиненые. А им-то одиннадцать одному и три другому – не могли еще.

А то как зима, стала замечать, дрова-то в поленице убывают медленно, – Егор опустил голову, еле сдерживая улыбку. – Баб Поля уж другой раз с дедом колют, дак и колют-то не как я, куда больше. А у нас еще те есть. Дак они-то березу колют, а я что придется. А по весне огород. Вскопаем вдвоем вроде четверть, а на утро уж смотрим, как бы уж и половина скоро.

– Да, мамка, – почесал затылок Толька, – и я помню.

Все засмеялись.

– Соседи удивлялись, по ночам я что ли детей-то заставляю копать? Что непонятно, ведь деревня-то. Ну, как здесь можно что-то сделать незаметно?

В оформлении обложки использована художественная работа автора.